

Крыленко Н. В.

Беседы о праве и государстве

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
К85

К85 **Крыленко Н. В.**
Беседы о праве и государстве / Крыленко Н. В. – М.: Книга по Требованию,
2020. – 184 с.

ISBN 978-5-458-34394-7

ЛЕКЦИИ, ЧИТАННЫЕ НА КУРСАХ СЕКРЕТАРЕЙ УКОМОВ ПРИ ЦК
РКП (б.)

ISBN 978-5-458-34394-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

неправильной постановке вопроса о том, кому принадлежит эта голова.. А если мы пойдем в глубь седых веков, в эпоху, когда материала для изучений общественных явлений было еще меньше, и коллективного опыта и знаний было еще меньше, мы найдем ответы еще примитивнее и проще: одни говорили, что это сознание является проявлением «естественного права», другие резали прямо: от «господа бога», и т. д. Тут ответы давались самые различные, но все существо этих ответов, вообще все содержание этих ответов грешило в корне той же основной ошибкой. Право всегда представлялось как продукт работы мозга, сознания, идеологии, не только оторванной, но и независимой от непосредственной совокупности всех тех общественных, политических и экономических условий, в которых развивалось, жило, действовало, работало это сознание, развивалось, действовало право. В этом и заключалась основная методологическая ошибка. В силу этого предreshался и неверный ответ на основной вопрос: что есть право?

Мы с вами прежде всего и раньше всего должны связать эти развязанные, так-сказать, концы с концами и поэтому прежде всего и раньше всего должны вернуть объект нашего изучения, право, в ту реальную, действительную, родственную ему социальную среду, среди которой оно возникло. Но раньше разберем парочку примеров буржуазных теорий, как доказательство того, как неверно поставленные вопросы, неверно данная первая предпосылка влекли за собой ряд абсолютно неверных ответов, и объясним, почему же так неправильно мыслит буржуа, и почему иначе он не может мыслить.

Это не значит, конечно, что мы целиком и полностью отвергаем ценность всех до одного буржуазных трудов о праве. Ничего подобного. Ряд крупнейших мыслителей буржуазной школы права дали очень много для его научного познания, некоторые из них подошли, как мы увидим, очень близко к существу вопроса и его правильному разрешению, но разрешить не могли. Нам важно с вами, вскрывая существо правовых явлений, понять одновременно и историческую обусловленность, и неизбежность того факта,

почему до сих пор буржуазные юристы не дали и не могли дать правильного определения права, или, как говорил еще старик Кант, почему до сих пор «юристы все еще ищут определения для своего понятия права». Для ответа на этот вопрос мы возьмем, повторяем, для примера лишь некоторые из этих буржуазных теорий.

Мы знаем, что в наших университетах, и не только у нас, в России, до революции, а может-быть, и теперь еще, до революции же во всяком случае, обязательными курсами по общей теории права были два курса. Один курс проф. Петражицкого, одного из известнейших теоретиков буржуазного права, и другой старый, засаленный студентами всех университетов курс проф. Коркунова.

Проф. Коркунов, этот «реакционер-вольнодумец», как его характеризует Стучка, определил право, как систему «разграничения интересов». Мы с вами скажем: да, в известном отношении, это безусловно верное, в десять раз более верное, чем всякое другое, определение. Но в каком отношении? Действительно ли право есть разграничение интересов? Добавим сюда одну маленькую оговорочку: разграничение интересов с точки зрения охраны интересов господствующего класса, и это добавление сразу даст нам угол зрения, который осветит целый ряд запутанных вопросов. Но без этой оговорки это определение никуда не годится, так как у нас сейчас же возникнет вопрос: что значит разграничение интересов, с какой точки зрения интересы разграничены, где и кто именно разграничивает интересы, в каком направлении они разграничиваются, какими способами разграничиваются? И вот тут-то мы и упираемся в ту же основную ошибку, о которой говорили выше. Разграничение интересов,—с точки зрения чего? Высшей справедливости? Можно и так ответить. С точки зрения господствующего класса? Можно и так ответить. С точки зрения писаного закона? Это уже не ответ,—это отсылка от Понтия к Пилату. Недоговоренность в этом основном вопросе сводит на-нет весь ответ, делает из него по существу вовсе не ответ. Но Коркунов правильно подметил некоторую сущность правовых отношений, понял, что во всяком споре о праве идет спор об ин-

тересах. Но каких интересах, чьих интересах, с какой точки зрения они разграничиваются или охраняются,—по целому ряду этих вопросов ответа не дано. Это одно из определений, говорю, старое, наиболее близко подходящее к существу вопроса, но определение не полное, не дающее полностью ответа. Спрашивается: мог или не мог теперь дать полный ответ буржуазный ученый на все эти вопросы, когда перед ним они встали конкретно, не в университете, а где-нибудь в законодательном учреждении? Буржуазный ученый, исходя из этого определения права, должен был бы в таком случае поставить перед собой практически вопрос, с какой точки зрения право разграничивает интересы, и был бы должен ответить одно из двух. Или ответить правду: с точки зрения интересов данного господствующего класса в буржуазном обществе, то-есть класса буржуазии. Или он должен был бы солгать, выдумать что-нибудь и сказать: с точки зрения общих «интересов государства» или общественных интересов «народа» вообще, или «высших» интересов, «высшей справедливости», или что-нибудь в роде этого,—ему пришлось бы выдумать какой-нибудь фантом, фетиш, во всяком случае какое-нибудь хитроумное словечко, что бы замазать суть дела. Буржуазное государство, буржуазные ученые не могли сказать правды никогда. И не потому не могли сказать правды, что не хотели бы сказать правды, но в их головы, как представителей господствующего класса, даже не приходила мысль о такой постановке вопроса. Они были глубочайшим образом убеждены, что они это разграничение интересов производят именно с точки зрения интересов народа, высшей справедливости и пр., и пр. Значит, основной дефект постановки вопроса был тот, что здесь классовая постановка вопроса была принципиально невозможна, ибо она вскрывала бы существо классовой природы государства вообще с такой обнаженностью, которая невольно в классовом обществе приводила бы к постановке вопроса о целесообразности самого этого классового общества, т.-е. приводила бы непосредственно к постановке рабочими массами, всем трудящимся населением вопроса о том: позвольте и нам в таком случае разрешить вопрос, как

должны быть эти интересы разграничены, уже с нашей точки зрения, с точки зрения наших интересов, так-сказать. Впрочем, когда наша революция ударила буржуазию по башке, некоторые из буржуазных ученых начали уже понимать эту истину и начинают говорить о классовой природе всякого права (см. Трайнин, «Право и Жизнь», № 1). Ну, что же! Лучше поздно, чем никогда.

Возьмемте теперь в противовес этой теории другую теорию,—возьмемте теорию профессора Петражицкого, который рассматривал вопрос так: право есть не что иное, как некоторая эмоция, т.-е. некоторое переживание, свойственное каждому человеку. Когда человек заявляет: это мое, он выражает некоторое свое переживание. Переживания бывают двух родов,—и целый том посвящен у Петражицкого анализу этого вопроса о разнице между правовыми и нравственными переживаниями. Первое, т.-е. правовое, находит себе выражение в некоторой норме обязательного, принудительного характера, законе или обычае, второе—нет. Я не буду входить в подробное изложение и изучение этой теории. Существо ее заключается прежде всего в том, что источник права переносится опять, на этот раз из чисто-интеллектуальной области в область психологическую, при чем получается, что люди уже не «выдумали» ту или иную правовую систему «из головы», а источник права переносится в эмоциональные глубины человеческих переживаний и ограничивается индивидуальным человеком и его внутренним «я», его внутренними переживаниями, его внутренними эмоциями. Но основной вопрос: а откуда эти последние возникают?—опять-таки не поставлен. Получается опять-таки отсылка от Понтия к Пилату, получается ответ, что правовые нормы есть не что иное, как правовые эмоции. Эмоция коренится в глубинах человеческой психики, а вопрос, откуда сия последняя берется, не поставлен. А мы знаем, что в этом вся суть. И тут основной вопрос, почему они изменяются, под влиянием чего они изменяются, приводит опять-таки к постановке проблемы экономического материализма. Мы говорим, что существует только классовая психология, что все определяется классовыми интересами и классовой борьбой, и

теория Петражицкого опять-таки упирается в этот вопрос, как в тупик, и здесь нужно ответить опять-таки либо «да», либо «нет». И буржуазный ученый опять-таки не в силах ответить «да», не в силах сказать, что правовые эмоции, являясь второразрядными, производными от целого ряда экономических отношений, тем самым носят отпечаток классового происхождения. И вот для того, чтобы объяснить факт эволюции, факт развития, опять начинаются самые разнообразные теории. Тут и влияние культуры, и влияние воспитания, и облагораживающее влияние различных идеологических, идеальных моментов, в том числе и чистой философии, и т. д. Одним словом, в подходе к этому вопросу, как ни близко подошел Петражицкий к сути правовых отношений, поскольку он правильно, отойдя от писаного права, от писаной бумажки, поставил вопрос глубже, близко подошел к ответу, но, в конце-концов, он все-таки, убоившись прямого ответа, от него сейчас же отскочил, потому что и тут идти до конца значило бы, в конце-концов, признать, что правовые эмоции являются производными от классовых интересов данного общественного класса, признать, что таковые различны у различных классов, признать, что их различие приводит к борьбе, и, следовательно, признать, что данная господствующая система правовых отношений, являясь объективным выражением на письме или в сознании господствующих классов их интересов, носит классовый характер, то-есть опять-таки в силу необходимости пришлось бы вскрыть классовую природу общества. А на это буржуазный ученый, говорю, пойти не может. Это значит зарезать самого себя публично, поэтому мы видим, что даже наиболее проникновенные и глубокие умы из буржуазных теоретиков права, до конца в этом вопросе пойти не могут.

Возьмите третье определение немецкого ученого Еллинека. У него есть такое определение,—насколько помню, точно цитировать не буду,—что право есть выражение «этического минимума, отраженного в писаной норме в данный момент». Тут опять-таки мы упираемся в основной вопрос: этика едина или нет? Этические воззрения едины или нет? Мы знаем опять-таки, что этические воззрения

не едины, и что в каждый данный момент могут существовать два диаметрально противоположных этических воззрения на один и тот же предмет, на один и тот же факт, на одно и то же явление. Но признать это—это значит опять-таки подрубить основы всякого буржуазного строя. Вот конкретный пример. Крестьяне захватили, отобрали землю у помещиков. Совершили они этический или неэтический акт? Крестьяне ответят: вполне этический, так и надо было. Так ответит любой крестьянин. Помещик скажет: чорт знает что такое; грабеж, а не этика,—и будет прав со своей точки зрения, вполне прав. Вот два совершенно диаметрально противоположных воззрения на один и тот же факт, ярко вскрывающие классовую сущность этических воззрений. Когда мы с вами говорим иногда: это—насилие, это—произвол и т. д.,—что значат эти громкие слова? Это—апеллирование к некоторым общим руководящим началам, которые мы предполагаем едиными для всех, общими для всех, но по существу, это есть апеллирование к тому, что мы с вами предполагаем в качестве руководящего принципа, но вовсе не обязательно, чтобы его предполагали таковым наши классовые противники. Вот почему и третье определение точно так же не выдерживает критики.

Возьмем определение немецкого ученого Иеринга. Оно относится ко времени 70—80-х гг. прошлого столетия. Согласно этой теории, отражавшей в тот момент историю Германии, «сила создает право, право есть политика силы», или воплощение, оформление в писаной форме определенной силы. Иеринг также подошел тут к правильному решению и тоже не до конца. Какая сила? Чья сила? При каких условиях сила?

Таким образом, если возьмем любое из определений, мы всюду и везде сталкиваемся с одним фактом: анализ общественных явлений вообще, в отношении коих явления права являются только частью, приводит нас к постановке классовой проблемы вообще. Но поставить классовую проблему и правильно ответить на нее для буржуазного ученого это значит признать классовую природу государства, классовую природу общества, классовую природу любого

законодательства, это значит сказать такую правду, от которой прежде всего ему и его классовой природе не поздоровилось бы,—поэтому совершенно ясно, не то, чтобы не хотели, а не могут буржуазные ученые органически этого вопроса ни правильно поставить, ни правильно на него ответить. Вот почему у них до сих пор нет и не могло быть определения понятия права, которое правильно определяло бы существо этого явления. Насколько велико в постановке вопроса о праве было это неумение идти до конца в логике, в анализе, и не только буржуазных ученых, но и ученых, называющих себя небуржуазными,—я позволю себе привести один из тех примеров, которые приводит г. Подволоцкий в своей книжке. Анализируя книжку проф. Рейснера, он указывает, что «Рейснер тоже возмущается против попыток истолковать право, как орудие эксплуатации. «Нельзя не отметить,—говорит Рейснер,—поразительной черты, что мы готовы в тон государствоведам смешать государство и право, как нечто необходимое и неизбежно связанное друг с другом. Раз государство является одной из форм организации имущих классов, направленной против неимущих, то все право, как один из неизбежных союзников государства, оказывается как-будто запятнанным той же самой эксплуататорской целью. И если, в конце-концов, государство осуждено на такое же исчезновение, как и все атрибуты современного классового господства, то и праву грозит с ними та же самая участь». Так пишет Рейснер и протестует против утверждения, что всякое право есть классовое право. А какое же еще? Почему Рейснеру кажется таким ужасным, когда мы говорим, что всякое право есть эксплуататорское право. Что значит эксплуататорское право? Это значит, что оно есть орудие, при помощи которого данный класс охраняет свои интересы. Если интересы помещика заключаются в закабалении крестьянского труда, он издает определенный закон, в котором пишет, что крепостной есть раб, есть его вещь, которую он может эксплуатировать так, как ему хочется, продать, заложить, убить и пр. В цитате, которую приводит Подволоцкий, Рейснер говорит: «Право является как-будто запятнанным одной и той же эксплуататорской

целью». Что это за странная боязнь слов? Если налоги в рабоче-крестьянском государстве должны падать всей тяжестью на имущий класс, то спрашивается: что это такое? Это есть норма, закон. Спрашивается: эксплуататорская это норма или нет? Почему же не признать, что да, она эксплуататорская. Что же в этом дурного? Не вижу ничего абсолютно ужасного в такой постановке вопроса. Да, мы, когда нужно, эксплуатируем наших классовых врагов. Но не только врагов. Скажите, пожалуйста, когда мы издавали закон о продрозверстке и по этому закону отбирали у крестьян все, кроме необходимого им излишка, и на счет этих собранных насильственным путем хлебных запасов кормили город и кормили армию,—было это эксплуатацией крестьянского труда в пользу определенного меньшинства населения для определенной цели? Да, было. Но что же тут такого ужасного? Наша задача—сделать так, чтобы крестьянам было понятно, почему так нужно действовать, и только; а крестьянам это надо уметь объяснить. Мы так делаем потому, что должны накормить армию, защищающую государство; кормят хлебом,—значит, хлеб нужно взять. Между тем, с точки зрения Рейснера, вытекает, что право само по себе, так-сказать, «чистое» право, не носит эксплуататорского характера. Я буду просить, пусть мне укажут такую норму, которая не носила бы такого характера, а я берусь относительно всякой нормы доказать, что она носит характер охраны интересов господствующего класса, и поскольку есть классы, поскольку они еще не умерли, постольку всякие нормы будут носить классовый, эксплуататорский, насильнический по отношению к другому классу характер.

Это—пример того, как не могут ученые, даже называющие себя коммунистами, в известных вопросах отойти от пуповины, связывающей их с буржуазным строем и с прежними теориями. Подволоцкий далее полемизирует с т. Стучкой, упрекая и его в тех же самых грехах, в том, что и у Стучки классовой постановки вопроса до конца тоже нет. «Система отношений,—это он цитирует Стучку,—является материальным, система норм—идеальным, идейным элементом права». Подволоцкий хочет доказать, что даже

Стучка не порвал еще до конца с прежними понятиями права, как чисто-идеологическим продуктом, и что таковое еще играет у него некоторую роль. Насколько прав Подволоцкий,—мы еще увидим, но, как видимо, даже наиболее выдержанных наших теоретиков упрекают в том же грехе.

Вот почему предварительным условием при подходе к сз-мой проблеме права должно быть прежде всего установление нами некоторых общих принципов, общих тезисов, от которых мы с вами никогда и ни при каких условиях отступить не можем и не должны отступать. Какие же это тезисы, какие же это принципы, с точки зрения которых мы с вами должны подходить ко всякому правовому явлению, с которыми встретимся и которые будем изучать? Тезисы эти нам известны. Первый: всякое общество есть общество классовое, следовательно, в классовом обществе все факты и явления общественной жизни являются не чем иным, как формой или отражением, или проявлением классовой борьбы. Следовательно, все общественные институты, без исключения, и такие общественные институты, как государство в целом, и такие институты, как отдельная правовая норма, являются не чем иным, как классовым институтом, отражающим интересы класса. Какого класса? Класа господствующего. Но в эпоху классовой борьбы фабричный закон о фабричной инспекции в буржуазном обществе, закон о 8-часовом рабочем дне,—разве, вы скажете, это норма, охраняющая интересы господствующего класса? Это норма, охраняющая интересы рабочих? Но она есть результат классовой борьбы и, как таковая, как результат классовой борьбы, выражена в праве. В классовом обществе в результате классовой борьбы эти нормы являются той средней линией, водоразделом, на которой остановилась эта борьба в данной ее стадии, как она нашла выражение в писаной норме. Ни ее классовый характер, ни ее классовое происхождение ни в коей мере от этого не теряют. Мало того: пусть вынужденная, пусть вырванная силой, эта норма своей целью имеет все же в конечном счете сохранение данного социального порядка, его дальнейшее бесперебойное функ-

ционирование и, как таковая, охраняет интересы господствующего в данном обществе класса. Исходя из этой точки зрения, нет и не может быть такой нормы, которая не коренилась бы в классовой природе общества, которая бы не отражала классовых интересов господствующего класса, и мы должны отвергать всякий раз все попытки, кем бы они ни делались, отделить существо правовых явлений от классовой борьбы и классовых интересов.

Позволю себе привести еще один последний пример, который самым наглядным образом покажет, как и какие можно делать ошибки вследствие недостатка последовательности в этой области.

Вы все знаете, вероятно, речи Лассалья «О сущности конституции» и «Программу работников». Эти книжки Лассалья написаны в 1865 или 1863 г. Так вот в этой речи о сущности конституции Лассаль говорит следующее: «Что такое конституция?» И потом отвечает: Пушки,—говорит,—это конституция, тюрьмы—это конституция, штыки—это конституция. Другими словами, от бумажки о конституции он сводит понимание сущности конституции, т. е. сущности определенной категории правовых явлений, к материальной силе, которая скрывается за этой бумажкой. Пушка—это,—говорит, конституция, потому что пушка есть сила, есть орудие принуждения, и весь вопрос в том, кто этой пушкой ворочает. Однако, при этой правильной постановке вопроса Лассаль кончает свою «Программу работников» так: «Всеобщее избирательное право,—вот стяг, который поведет вас к победе, и другого у вас нет и не может быть». Последнее он доказывает следующим образом. Каждый,—говорит,—класс (он говорит «сословие», а не класс), каждое сословие или класс, выражаясь нашей терминологией, наполнял данную государственную систему своим содержанием: феодальный класс, или первое сословие, наполнял ее своим содержанием, и тогда она служила его интересам; буржуазный класс—своим содержанием или, как говорит Лассаль, «своей идеей», и она служила ему. Каждое сословие,—говорит он,—вливало свою идею в государственную машину. Четвертое сословие (или пролета-